

Л.А. Сидорова*

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ЛИЧНОСТНАЯ МОТИВАЦИЯ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВdoi:10.31518/2618-9100-2024-5-4
УДК 930

Выходные данные для цитирования:
Сидорова Л.А. Актуализация исторической памяти в годы Великой
Отечественной войны: личностная мотивация советских историков // *Исторический курьер*. 2024. № 5 (37). С. 59–68.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-04.pdf>

L.A. Sidorova*

ACTUALIZATION OF HISTORICAL MEMORY
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR:
PERSONAL MOTIVATION OF SOVIET HISTORIANS

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-4

How to cite:
Sidorova L.A. Actualization of Historical Memory during the Great Patriotic War:
Personal Motivation of Soviet Historians // *Historical Courier*, 2024, No. 5 (37),
pp. 59–68. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-04.pdf>]

Abstract. Using the example of the scientific and propaganda activities of academician M.V. Nechkina, the problem of personal motivation of Soviet historians in their work to promote the historical experience of Russia during the Great Patriotic War is investigated. It is shown that participation in the actualization of historical memory was due to the civic position of historians, in which the awareness of their patriotic duty was in the first place. M.V. Nechkina prepared a number of popular science books and pamphlets on military historical topics, gave lectures to various audiences - in military units, enterprises, hospitals, etc. She talked about the heroic pages of the history of the Fatherland; the heroes of her books and lectures were outstanding generals of the past, from Prince Alexander Nevsky to M.I. Kutuzov. M.V. Nechkina developed the basic rules for building popularization lectures, lectured on the methodology of organizing the popular scientific lecture process. The need to arm soldiers not only with weapons, but also with historical knowledge became obvious to M.V. Nechkina even during the Civil War. M.V. Nechkina's scientific and popularization activities were closely connected with her research: the latter provided material for books and lectures, and the needs of propaganda posed new tasks in studying specific problems of history. An important event was her business trip to Iran in the summer of 1943, where she spoke to the staff of the Soviet embassy, Soviet military units, as well as on Tehran radio. In the notes that M.V. Nechkina made during this trip, her attitude to the propaganda of the historical past as to the fulfillment of a responsible mission, the purpose of which was to strengthen the moral and psychological state of the Soviet people, was vividly manifested.

Keywords: historical memory, propaganda, patriotism, civic position, M.V. Nechkina.

The article has been received by the editor on 14.06.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. На примере научно-популяризаторской деятельности академика М.В. Нечкиной исследуется проблема личностной мотивации советских историков в их работе по пропаганде исторического опыта России в годы Великой Отечественной войны. Показано, что участие в актуализации исторической памяти обусловлено

* **Любовь Алексеевна Сидорова**, доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: lasidorova@rambler.ru

Lyubov Alekseevna Sidorova, Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: lasidorova@rambler.ru

гражданской позицией историков, в которой на первом месте было осознание своего патриотического долга. М.В. Нечкина подготовила ряд научно-популярных книг и брошюр военно-исторической тематики, выступала с лекциями перед различными аудиториями – в воинских частях, на предприятиях, в госпиталях и пр. Она рассказывала о героических страницах истории Отечества, героями ее книг и лекций становились выдающиеся полководцы прошлого, от князя Александра Невского до М.И. Кутузова. М.В. Нечкина разработала основные правила построения публичных выступлений, проводила их по методике организации научно-популярного лекционного процесса. Необходимость вооружения воинов не только оружием, но и историческими знаниями стала очевидной для М.В. Нечкиной еще в годы Гражданской войны. Научно-популяризаторская деятельность М.В. Нечкиной была тесно связана с ее исследованиями: последние давали материал для книг и лекций, а потребности пропаганды ставили новые задачи в изучении конкретных проблем истории. Важным событием стала ее командировка летом 1943 г. в Иран, где она выступала перед сотрудниками советского посольства, советскими воинскими частями, а также на тегеранском радио. В заметках, которые М.В. Нечкина сделала в ходе этой поездки, ярко проявилось ее отношение к пропаганде исторического прошлого как к выполнению ответственной миссии, целью которой было укрепление морально-психологического состояния советского народа.

Ключевые слова: историческая память, пропаганда, патриотизм, гражданская позиция, М.В. Нечкина.

Статья поступила в редакцию 14.06.2024 г.

Историческая память – неперенная составляющая самосознания и идентичности общества. Ее роль в переломные периоды истории возрастает многократно. Так было и в годы Великой Отечественной войны. Перед советской исторической наукой встала задача сделать историческое прошлое одним из действенных средств духовной мобилизации для победы над врагом. Актуализация исторической памяти рассматривалась в качестве приоритетного направления в деятельности академических и вузовских центров. В этих целях в исследовательские планы были включены подготовка и издание научно-популярных книг и брошюр военно-патриотической тематики, в первую очередь о выдающихся полководцах и военачальниках прошлого, о наиболее ярких событиях военной истории России.

Пропагандируя патриотический опыт защиты российской государственности, многие известные историки выступали с лекциями в трудовых коллективах, воинских частях, госпиталях. Так, признанному знатоку истории наполеоновских войн и мастеру ораторского искусства Е.В. Тарле выделили специальный поезд-вагон, с которым он передвигался в своих лекционных поездках. В одном из своих писем он писал, что за три недели прочитал одиннадцать двухчасовых лекций при двух-трех тысячах рабочих свердловских и нижегородских заводов, где его принимали «ультра тепло»¹.

Проблема актуализации исторической памяти решалась также при подготовке изданий по истории союзных республик Советского Союза. Историки Москвы и Ленинграда, оказавшиеся в эвакуации в Средней Азии, не только преподавали в местных вузах, но и участвовали в создании историй советских Казахстана и Узбекистана.

Деятельность историков в годы Великой Отечественной войны была проникнута идеей патриотизма, которую они проводили в своих конкретных исследованиях и которая становилась центральной в их мировоззрении. Патриотизм лежал в основе личностной мотивации советских историков, участвовавших в актуализации исторического знания в предвоенный и военный периоды. Для обоснования этого тезиса обратимся к некоторым сюжетам, связанным с участием будущего знаменитого академика, а тогда еще доктора исторических

¹ Очерки истории отечественной исторической науки. Омск, 2005. С. 498.

наук и профессора Милицы Васильевны Нечкиной (1899–1986) в историко-пропагандистской работе. Этот выбор определялся двумя обстоятельствами: во-первых, ее высокой активностью в этой сфере, а во-вторых, М.В. Нечкина оставила большой и уникальный комплекс личных документов, которые дают возможность раскрыть поставленную проблему.

В профессиональной деятельности М.В. Нечкиной в предвоенные и военные годы выступления с лекциями на военно-патриотические темы составляли, без преувеличения, весомую часть. «Лекции тоже воюют», – была убеждена Милица Васильевна и так обосновала свое суждение: «В арсенале идейного оружия им отведено свое место. Воину нужен широкий и постоянный приток познаний, служащих его делу. И не только познаний, но и глубокое понимание цели борьбы, справедливого дела защиты Родины»².

Это понимание пришло к М.В. Нечкиной очень рано. Ей запомнился маленький эпизод времен Гражданской войны. В 1919 г., учась на втором курсе историко-филологического факультета Казанского университета, она одновременно работала библиотекарем-культурником Вещбазы № 2 Запасной армии республики. В ее арсенале находились два небольших книжных шкафа и газеты. «И вот входит ко мне в библиотеку молодой красноармеец в полной форме, при оружии: “Завтра направляемся на фронт освобождать от белых наш Донбасс – каменный уголь нужен пролетариям для фабрик и заводов. Все положенное я получил, но вдруг чувствую: важного не хватает – и к вам в библиотеку. Не знаю я, откуда это в земле каменный уголь, из чего произошел, как природно устроен... Может, у вас книжка есть, что такое, что он такое есть...”, – много лет спустя рассказывала она об удивившей ее просьбе красноармейца и продолжала, – В бедной библиотеке кое-что нашлось, мобилизовала я и все свои познания: и гимназические, и от отца-инженера, порылась и в словаре. Он ушел довольный с какой-то брошюрой. Я была потрясена. Вот он о чем думал, вот для чего нашел минутку накануне отъезда, что захотел знать. Он прав в этом своем желании».

Случившееся днем стало вечером темой доклада М.В. Нечкиной на заседании студенческого кружка, носившего «удивительное название “кружок текущих мыслей”». Она рассказала о своем «замечательном посетителе». И хотя, писала М.В. Нечкина, «случай был с виду незначительный, а потряс студенческие души. Война идет, солдат едет освобождать Донбасс и не забыл о науке, забежал в библиотеку – надо было узнать, что ж это такое по природе – откуда взялся, почему горит, как появился в земле...»³.

Тематика читавшихся ею лекций непрерывно расширялась. Среди них встречались лекции как на обобщающие, так и на более конкретные темы. Среди обобщающих лидировала лекция «Крах замыслов мирового господства в истории человечества», с которой М.В. Нечкина часто выступала перед различными аудиториями. В числе прочих наиболее востребованными оказались следующие: «Мужественный образ наших великих предков», «Исторические корни русского военного героизма», «Истоки героизма русского народа», «Отстоим достижения советской науки и культуры», «Семья и родина».

Большой блок составляли лекции на более конкретные темы. Среди них первенствовали сюжеты, связанные с историей Отечественной войны 1812 г.: «1812 год», «Разгром Наполеона», «Михаил Кутузов», «Партизанское движение» и пр. Тематика лекций становилась и событиями военной истории России более ранних периодов, и жизнь и деятельность легендарных русских полководцев и героев: «Ледовое побоище», «Александр Невский», «Дмитрий Донской и Куликовская битва», «Минин и Пожарский», «Суворов», «Петр Великий и борьба за Прибалтику».

Сердцевину читавшихся М.В. Нечкиной лекций составляли исторические параллели, на ярких и доходчивых примерах убеждающие слушателей в том, что страна непременно справится с выпавшими на ее долю тяжелейшими испытаниями. Выступая перед самыми различными аудиториями – в военных академиях, воинских частях, госпиталях, партийных

² Нечкина М.В. Лекции в дни войны // В годы войны. Статьи и очерки. М., 1985. С. 31.

³ Там же. С. 34.

комитетах различного уровня, на заводах, в вузах и пр., Милица Васильевна обнаружила, что «незаметно выработала некие “правила” чтения лекций»⁴. Попутно заметим, что она, как методист, делилась практическими приемами с менее опытными лекторами. М.В. Нечкина выступала перед другими лекторами в различных учреждениях с докладами: «Как готовиться к лекции», «Как готовиться к лекции и как ее читать». В числе слушавших ее аудиторий отметим, например, ЦК комсомола Узбекистана, Управление погранвойск и др.⁵

Сформулированных правил было три. «Первое и главное» гласило: стержень любой успешной лекции – поддержание постоянного контакта со слушателями. Хотя «слово “лекция” происходит от латинского корня, означающего чтение», замечала М.В. Нечкина, она на собственном примере убедилась, что «лекцию обязательно надо <...> говорить, а не читать по записям. Она должна непосредственно адресоваться слушателям, лектор должен смотреть им в глаза, видеть их сразу всех. “Электротоки” бегут от лектора в аудиторию и вызывают ответные приливы»⁶.

Второе правило заключалось в четком структурировании лекции, основные положения которой обозначались в самом ее начале. «Определив тему лекции ясными и медленными словами, вы сообщаете далее аудитории кратчайший план дальнейшего слушания лекции, она делится на столько-то частей, подтем (не более трех-четырёх). Слушателям будет проще и легче воспринимать, заранее зная краткий план изложения»⁷, – считала М.В. Нечкина.

Третье правило касалось собственного отношения лектора к выступлению. Раскрывая этот тезис, М.В. Нечкина писала: «Далее лектор сам проникается интересом к теме лекции. Ему, лектору, самому интересно слушать, замечать, как все получается, вести живой сюжет лекции, быть заинтересованным. Если лектору тема надоела и ему нет охоты сотый раз говорить одно и то же – беда лекции! Она должна быть всегда живой для лектора»⁸.

Содержание лекций, актуализировавших события российской истории, должно было учитывать запросы текущего времени. Так, начиная с 6 августа 1942 г., М.В. Нечкина много раз выступала с лекцией, озаглавленной «3 ордена»⁹. Она была откликом на учреждение 29 июля 1942 г. трех «полководческих» орденов – Ордена Суворова, Ордена Кутузова и Ордена Александра Невского, которыми награждались советские военачальники и воинские части. Раскрывая перед своими слушателями статут каждого из этих орденов, Милица Васильевна говорила об особенностях полководческого дара Александра Невского, А.В. Суворова и М.И. Кутузова. Она подчеркивала соединение личной доблести и умения командовать у князя-воина Александра Невского, нанесшего сокрушительное поражение немецко-шведским завоевателям, значение суворовского принципа «воюют не числом, а умением», роль «гениальной кутузовской стратегии и тактики – измор врага для нанесения ему окончательного удара» в победе в Отечественной войне 1812 г.¹⁰

Загруженность М.В. Нечкиной лекциями на военно-патриотическую тематику была чрезвычайно велика. Их чтение требовало не только больших интеллектуальных и эмоциональных, но и физических затрат. Хорошо, когда выделялась машина, чтобы добраться до места, где предстояло выступать. Но нередко было и по-другому. В ташкентский период она иногда помечала в дневнике: «9 февраля [1942 г.]. 6 ч. “Крах замыслов”, госпиталь, на бричке» или «12 февраля [1942 г.]. 8 ч. веч. “Разгром Наполеона” в госпитале на Хорезм[ской]. Идти самой»¹¹.

«Всего за войну я прочла около 500 лекций, сюда входят и московские, до и после эвакуации, и ташкентские лекции»¹², – суммировала впоследствии М.В. Нечкина свою

⁴ Нечкина М.В. Лекции в дни войны... С. 33.

⁵ «...И мучилась, и работала невероятно». Дневники М.В. Нечкиной. М., 2013. С. 351.

⁶ Нечкина М.В. Лекции в дни войны... С. 33.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ «...И мучилась, и работала невероятно» ... С. 352.

¹⁰ Там же. С. 653.

¹¹ Там же. С. 349.

¹² Нечкина М.В. Лекции в дни войны... С. 37.

лекционную нагрузку. Надо заметить, что даже в переписке отнюдь не комплиментарно настроенных по отношению к ней М.Н. Тихомирова¹³ и С.О. Шмидта¹⁴ ее лекции оценивались высоко. Об этом 4 ноября 1942 г. С.О. Шмидт, также эвакуированный в Ташкент и учившийся на историко-филологическом факультете Средне-азиатского государственного университета, писал своему научному руководителю М.Н. Тихомирову, находившемуся в то время в Свердловске.

Сигурд Оттович начал письмо с характеристики обстановки в рядах эвакуированных историков. Осенью, заметил он, «жизнь академическая только, только начинается. Летом все дремали, как мухи, или судили-рядили о пайках и об обедах. (Впрочем, и сейчас эта тема занимает многих, хоть и говорить-то особенно не о чем – кормят не джуге...)». Исключением из этого правила С.О. Шмидт назвал М.В. Нечкину: «Не унывала летом Мил[ица] Вас[ильевна] Нечкина: она делала доклады на свежем воздухе и, возможно, от избытка научной разносторонности слегка похудела: Δ – ее фигура до VIII – 42 г., Δ – ее фигура сейчас. Но доклады читала очень и очень удачно»¹⁵.

Оставив в стороне этическую сторону подобного использования математических фигур применительно к М.В. Нечкиной¹⁶, отметим безусловное признание ее лекторского мастерства.

Лекционная работа была неразрывно связана с работой научно-исследовательской. В лекционные материалы включались новые факты и мысли, а тематика лекций ставила перед самым лектором дополнительные вопросы. 8 сентября 1942 г. на научной сессии, организованной Институтом истории АН СССР совместно с политотделом спецчастей ташкентского гарнизона и Домом Красной Армии Среднеазиатского военного округа и, приуроченной к 130-летию ключевого события Отечественной войны 1812 г., Милица Васильевна выступила с докладом «Стратегическое и тактическое значение Бородинского сражения».

Доклад носил академический характер, содержал аргументированный историографический обзор проблемы и был основан на широком круге источников. Лекции на эту тему можно считать его органической научно-популярной частью. Итоговый вывод доклада – «В стратегическом же отношении Бородинское сражение – первое невыигранное Наполеоном – сыграло важнейшую роль: Бородино оказалось смертельной раной, нанесенной наполеоновской армии; она прожила с этой раной 35 дней, после которых началось отступление Наполеона. В международном отношении Бородинский бой приобретает крупнейшее значение как начало наполеоновского конца и способствует краху его империи и попытке установления мирового господства»¹⁷ – являлся главным тезисом, который М.В. Нечкина, следуя выработанным ею правилам чтения лекций, на понятных аудитории примерах раскрывала перед слушателями.

В этом докладе, как и в научно-популярных книгах и брошюрах тех лет, проявилась присущая Милице Васильевне как историку черта: даже в чрезвычайно актуализированных и политически заостренных ее выступлениях и текстах преобладал почерк исследователя. В годы Великой Отечественной войны это проявилось особо. Научная и пропагандистская составляющие работ М.В. Нечкиной не противоречили друг другу. Вот как решала этот вопрос сама Милица Васильевна: «Отечественная война потребовала агитационной литературы для армии, были нужны и исторические книжки. <...> Меня попросили написать небольшую книжку “Исторические традиции русского военного героизма”¹⁸. В ней хотелось

¹³ Тихомиров Михаил Николаевич (1893–1965) – выпускник историко-филологического факультета Московского университета, доктор исторических наук, профессор МГУ, академик АН СССР.

¹⁴ Шмидт Сигурд Оттович (1922–2013) – советский и российский историк, археограф, организатор науки.

¹⁵ Академик М.Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками. М.; СПб., 2022. С. 698.

¹⁶ Милица Васильевна, в свою очередь, также позволяла себе довольно-таки нелицеприятные суждения о С.О. Шмидте. Автор статьи не раз слышала от ученицы М.В. Нечкиной М.Г. Вандалковской, что при упоминании С.О. Шмидта она могла сказать: «Зига всегда пьет только кипяченое молоко». Эта фраза ею не пояснялась, да комментарии и не требовались: отрицательная коннотация была налицо.

¹⁷ Тифлисова А. В Институте истории АН СССР // Исторический журнал. 1943. № 1. С. 108.

¹⁸ Нечкина М.В. Исторические традиции русского военного героизма. М., 1941.

показать глубину традиций, богатство, накопленное русским народом с давних лет глубокой старины. Сразу после выхода книжка пошла на фронт, позже много раз переиздавалась. Особо мне дорого издание, напечатанное в объёме войной Сталинграде. Солдаты-сталинградцы позже рассказывали мне, что брали из этой книжки лозунги и вывешивали в землянках»¹⁹.

М.В. Нечкина рассматривала такие работы как особый жанр исторической литературы, вносящей свою посильную лепту в борьбу с врагом, что в равной мере относилось и к лекциям, вклад которых, допускала Милица Васильевна, «пусть своеобразен и мал», но тоже приближал общую Победу²⁰.

В серии «В помощь преподавателям истории СССР в школе в связи с Отечественной войной советского народа против фашизма» она подготовила книгу «Мужественный образ наших великих предков: [Александр Невский, Дмитрий Донской, Кузьма Минин и др.]»²¹. В этой деятельности участвовали, помимо М.В. Нечкиной, многие ведущие советские историки – и поколения «старой школы», и «красные профессора». Они писали об образцах воинской доблести, которыми богата история России. В том же году были изданы две книги С.В. Бахрушина о Дмитрие Донском и о К. Минине и Д. Пожарском, В.И. Пичеты об Александре Невском, И.И. Полосина о П.И. Багратионе, М.К. Рожковой о Денисе Давыдове²² и др.

Свое участие в актуализации исторической памяти в военные годы М.В. Нечкина рассматривала как выполнение ответственной миссии, цель которой – укрепление морально-психологического состояния советского народа. В этой деятельности Милицы Васильевны был один эпизод, на котором стоит остановиться особо.

Летом 1943 г., когда период эвакуации подходил к концу и ученые уже готовились к возвращению в Москву и Ленинград, она получила неожиданное и сложное задание – Главное политическое управление посылало ее в Иран читать лекции расквартированным там советским войскам. Это оказалось для нее, как она писала, «волнующей неожиданностью». Ей пришлось «спешно готовить нужный лекционный материал, продумывать связь лекций, выделить самые интересные темы»²³.

Свои впечатления об этой поездке М.В. Нечкина по горячим следам зафиксировала в «Иранском путевом дневнике». «Не имея возможности записывать все подробно», она придала записям «характер схематического конспекта», в котором отразила «лишь центры ассоциативных комплексов»²⁴. Надо сказать, что это крайне затрудняет их комментирование. Однако даже те немногие моменты путешествия, которые более или менее понятны, особенно в сопоставлении с кратким изложением тех же событий в ее военных воспоминаниях, позволяют извлечь из них интересную информацию.

Путь в Иран был достаточно долгим. Предстояло поездом ехать из Ташкента через Самарканд до Ашхабада. От Ашхабада, расположенного в 25 км от иранской границы, добраться предстояло на машине. В этой командировке Милицу Васильевну сопровождали два молодых офицера в звании капитана, которых она в дневнике именovala по инициалам – Б.Ю. и А.П. Попробуем расшифровать некоторые беглые зарисовки Милицы Васильевны, передающие отдельные впечатления от увиденного и услышанного ею.

Приготовления к отъезду начались 10 июня 1943 г. с прозаического поиска продуктов и «побега» за туфлями, и все это под жарким ташкентским солнцем: «раскаленная улица Кирова»²⁵. На время командировки М.В. Нечкина получила военное обмундирование

¹⁹ Нечкина М.В. Лекции в дни войны... С. 32.

²⁰ Там же. С. 41.

²¹ Нечкина М.В. Мужественный образ наших великих предков. Ташкент, 1942.

²² Бахрушин С.В. Дмитрий Донской. Ташкент, 1942; Бахрушин С.В. Минин и Пожарский. Ташкент, 1942; Пичета В.И. Александр Невский. Ташкент, 1942; Полосин И.И. Багратион – герой Отечественной войны 1812 года. Ташкент, 1942; Рожкова М.К. Денис Давыдов – партизан 1812 г. М., 1942.

²³ Нечкина М.В. Лекции в дни войны... С. 38.

²⁴ «...И мучилась, и работала невероятно» ... С. 355.

²⁵ Там же. С. 355.

и условное воинское звание. «К великому своему удивлению», она ехала в Иран полковником. На ее вопрос, «почему чин так высок», М.В. Нечкина получила ответ: «Вы – доктор наук, а доктор наук в войсках приравнен к этому чину», – и шутливую реплику: «Не беспокойтесь, никаких дел полковника вам выполнять не придется, командовать полком вы не будете, но одному должны научиться: отдавать честь при военных приветствиях». Этому, писала Милица Васильевна, она выучилась довольно скоро, и первый случай представился на пограничной заставе. О нем она рассказала так: «“Хорошо ли отдала?” – спросила я, волнуясь, своих сопровождающих. Сказали, что хорошо». В этом пересказе верно, полагаю, все, за исключением эмоций самой Милицы Васильевны: в них – не волнение, а чисто женское кокетство и, конечно, очевидное удовольствие от такого «маскарада». Недаром она писала, что «об одном жалела – не сфотографировалась в форме»²⁶.

В Тегеран, в штаб советских войск, располагавшийся в офицерских казармах шахского дворца, машина с М.В. Нечкиной и сопровождавшими ее офицерами прибыла 24 июня. Город оставил у нее впечатление «соединения нищеты и богатства», «европейских улиц и азиатчины»²⁷, навеявая мысли о А.С. Грибоедове, жизнь которого в кругу будущих декабристов была тогда предметом ее исследовательского интереса. Ее разместили в маленькой офицерской комнате. Во второй половине дня Милица Васильевна читала лекцию «3 ордена» «начсоставу Тегеранского полка» и была обрадована реакцией на нее аудитории, в противоположность состоявшейся в тот же вечер лекции для сотрудников советского посольства.

В «Иранском путевом дневнике» эпизод с организацией лекции в посольстве описан очень эмоционально. В нем в изобилии резкие оценки и нескрываемое раздражение, а телеграфный стиль записи сделал их еще более категоричными. Попробуем разобраться, чем они были вызваны, насколько были обоснованы и как в них проявился не только характер Милицы Васильевны в целом, но и интересующая нас личностная мотивация при выполнении этого задания.

Прибыв в здание советского посольства, М.В. Нечкина была раздосадована тем, как ее приняли. «“Посол занят”», – цитировала она обращенные к ней слова его секретаря. «Стиль разговора» с первыми секретарями посольства также вызвал ее недовольство. Вместо ожидаемого обсуждения вопроса чтения лекций по существу она услышала прозаическое: «У вас есть туманы (Иранская денежная единица. – Л. С.)?»²⁸. Потом было долгое ожидание назначенной на вечер того дня лекции в дипкурьерской посольства, которое М.В. Нечкина пунктирно обозначила: «Как меня забыли. “Вы – наш гость” – и вот забыли! Я уже решительно ничего не знаю»²⁹.

Прождав до 7 часов вечера, Милица Васильевна, голодная («Буквально – красные круги от голода перед глазами»), отправилась на «поиски собственной лекции». На свой вопрос в отделе прессы: «Вы не знаете, где я читаю?» – она услышала: – «Какая лекция? Разве сегодня лекция? Нет, не слыхал». Сидевший к ней спиной сотрудник отдела, которого она иронично назвала «дипломат», не оборачиваясь к ней, спросил своего коллегу: «А кто спрашивает?», и получил ответ: «Да вот, профессор». «Нет, ничего не знаю», – разговор был исчерпан.

На этом ее обиды не кончились. М.В. Нечкина зафиксировала еще один досадный для нее эпизод: «Идет улыбающаяся рожа: “Здравствуй, профессор Мицкевич!”» Комментируя его, Милица Васильевна в сердцах написала: «Уж хоть бы фамилию выучил, дурак. А называется – дипломат»³⁰.

Ситуацию, которую М.В. Нечкина восприняла столь остро, на самом деле можно считать вполне рутинной и предсказуемой. Штаб посольства был занят своей каждодневной работой, которой, учитывая условия «дипломатического фронта», не могло быть мало,

²⁶ Нечкина М.В. Лекции в дни войны... С. 39.

²⁷ «...И мучилась, и работала невероятно» ... С. 357.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 358.

³⁰ Там же.

да и его сотрудники имели определенную историческую подготовку, поэтому интерес к предстоявшей лекции едва ли мог быть велик. Однако все это больно задело самолюбие Милицы Васильевны. «Я привыкла читать тем, кому нужно, кому хочется, а не тем, кому не нужно», – написала она. Все это противоречило ее восприятию своей историко-патриотической деятельности как миссии.

В конце концов лекция состоялась. М.В. Нечкина назвала ее «труднейшей лекцией в жизни». Из последующих строк становится понятно, что она как лектор не почувствовала с сидевшими перед ней людьми контакта, столь для нее необходимого. Начальные слова лекции – «Привет вам, товарищи, из Советского Союза!» – не нашли того отклика, на который она рассчитывала. Не исправило положения и продолжение лекции.

Думается, что главной причиной этой досадной неудачи в восприятии М.В. Нечкиной – ее собственный недоучет специфики собравшейся перед ней аудитории. Помимо этого, не могла не сказаться и усталость Милицы Васильевны от тяжелой дороги и сопровождавших ее бытовых неудобств, и неудовлетворенность таким началом выполнения порученного ей дела, и все это вместе взятое, помноженное на жару большого восточного города! В заключительной фразе путевого дневника М.В. Нечкина процитировала строку из пушкинского «Евгения Онегина»: «Проблема чернил сопровождает меня всю дорогу. “Нигде ни пятнышка чернил”»³¹. Полагаю, что она свидетельствует о проблеме, с которой М.В. Нечкина столкнулась как лектор и которую она восприняла тяжело.

У А.С. Пушкина эта строка прозвучала в описании кабинета и нрава «дяди самых честных правил» главного героя романа:

«Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.
Все было просто: пол дубовый,
Два шкафа, стол, диван пуховый,
Нигде ни пятнышка чернил.
Онегин шкафы отворил:
В одном нашел тетрадь расхода,
В другом наливки целый строй,
Кувшины с яблочной водой
И календарь осьмого года:
Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел»³².

В четырнадцати строчках «онегинской строфы» предельно кратко и вместе с тем емко выписан портрет помещика, интересы которого не простирались далее хозяйственных нужд имения. В деревне он не стал, как двоюродный брат Скалозуба в грибоедовском «Горе от ума», читать книги и тратить чернил на занятия научные или творческие, поэтому его гусиные перья не забрызгали, что следовало бы в таком случае, кабинетную мебель. По всей вероятности, М.В. Нечкина внутренне ассоциировала слушавших ее сотрудников посольства с таким человеческим типом. «А им наплевать! Это не советские люди, а перерожденцы. Им нужны туманы и уклонение от военной службы. Хамы»³³, – негодовала она, обращая в их сторону не только резкие эпитеты, но и серьезные обвинения.

Ситуацию отчасти разрядил телефонный звонок из полка, в котором ей сообщили, что на следующий день в 7 часов утра состоится ее лекция «Мужественный образ наших великих предков» всему составу Тегеранского полка. Милица Васильевна попросила прислать машину, сожалея, что в посольство все же придется завтра вернуться, так как ей предстояло согласовать текст своего выступления на тегеранском радио. (Тегеранское радио

³¹ «...И мучилась, и работала невероятно» ... С. 357, 364.

³² Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. М., 1985. Т. 2. С. 209.

³³ «...И мучилась, и работала невероятно» ... С. 358.

еще заранее обратилось с просьбой о выступлении на какую-нибудь русскую историческую тему. М.В. Нечкина остановилась на сюжетах, связанных с жизнью и деятельностью М.И. Кутузова³⁴).

Утренняя лекция в полку прошла успешно. После нее она приехала в посольство, где в «отдельной комнатке» писала текст радиовыступления, который и был утвержден. Во второй половине дня в сопровождении пресс-атташе посольства Д.С. Комиссарова³⁵ М.В. Нечкина приехала на радиостанцию, где после репетиции прочитала свою лекцию. Она выступала на французском языке, который, писала Милица Васильевна, «иранская интеллигенция называла своим вторым языком, хорошо им владела»³⁶. Радиовыступление также прошло успешно. В определенной мере это сгладило негативные впечатления предыдущего дня. «Удививший меня всеобщий восторг – даже Комиссаров растаял»³⁷, – записала М.В. Нечкина в своем дневнике.

Через день Милица Васильевна уехала из Тегерана читать лекции воинским частям, расквартированным в окрестностях города Семнан. Она была восхищена тем, как на пустом месте советские военные сумели обустроиться. «Наша армия – строитель»³⁸, – отметила она. Ее поразил амфитеатр из земли, который М.В. Нечкина там увидела. Сорок с лишним лет спустя она написала о нем: «За городом, в лесу на большой поляне рыли углубленный амфитеатр. Широкими удобными “подковами” вырезанные земляные скамьи вмещали сотни слушателей»³⁹. Посредине амфитеатра – радиоусилитель и место лектора. Именно там и читались ею лекции, в которых необычным было все: и начало в 4 часа утра, и «огромное безоблачное небо над головой, утренняя прохлада, восходящее солнце»⁴⁰. Чтобы «поспеть к такой лекции», ей «приходилось вставать в половине третьего ночи, спешно собираться и ехать за город»⁴¹. Но эти усилия М.В. Нечкиной были вознаграждены неподдельным вниманием слушателей. «Больше всего меня вдохновляют бойцы, а не командиры»⁴², – подчеркнула она. Их просьбы «передать привет Москве»⁴³, которые М.В. Нечкина обещала выполнить, свидетельствовали о том, что ей удалось решить главную задачу своей тегеранской миссии – способствовать связи советских воинов с далекой Родиной.

Изучение личных документов М.В. Нечкиной показало, что ее участие в актуализации исторического знания в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны стало проявлением ее собственной гражданской позиции и, прежде всего, искреннего патриотического чувства, которое вместе с ней разделяли ее коллеги по историческому цеху.

Литература

Академик М.Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками / ред. А.В. Мельников, Н.А. Комочев, В.В. Тихонов. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 784 с.

Бахрушин С.В. Дмитрий Донской. Ташкент: Изд-во Уз ФАН, 1942. 40 с. (Великие русские полководцы).

Бахрушин С.В. Минин и Пожарский. Ташкент: Изд-во УзФАН, 1942. 56 с. (Великие русские полководцы).

«И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной / отв. ред. Е.И. Пивовар; сост., вступ. ст. и коммент. Е.Р. Курапова. М.: РГГУ, 2013. 824 с.

Нечкина М.В. Исторические традиции русского военного героизма. М.: Воениздат НКО СССР, 1941. 23 с. (Сер.: В помощь политруку).

³⁴ Нечкина М.В. Лекции в дни войны... С. 38.

³⁵ Комиссаров Даниил Самуилович (Семенович) (1907–2008) – советский и российский филолог-иранист и переводчик, в годы Второй мировой войны пресс-секретарь посольства СССР в Иране.

³⁶ Нечкина М.В. Лекции в дни войны... С. 38.

³⁷ «...И мучилась, и работала невероятно» ... С. 359.

³⁸ Там же. С. 361.

³⁹ Нечкина М.В. Лекции в дни войны... С. 39.

⁴⁰ Там же. С. 39–40.

⁴¹ Там же. С. 40.

⁴² «...И мучилась, и работала невероятно» ... С. 362.

⁴³ Там же.

Нечкина М.В. Мужественный образ наших великих предков: Александр Невский, Дмитрий Донской, Кузьма Минин и др. Ташкент: Госиздат УзССР, 1942. 52 с.

Нечкина М.В. Лекции в дни войны // В годы войны. Статьи и очерки / отв. ред. А.М. Самсонов. М.: Наука, 1985. 238 с.

Очерки истории отечественной исторической науки / под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 683 с.

Пичета В.И. Александр Невский. Ташкент: Изд-во УзФАН, 1942. 40 с. (Великие русские полководцы).

Полосин И.И. Багратион – герой Отечественной войны 1812 года. Ташкент: Изд-во УзФАН, 1942. 72 с. (Великие русские полководцы).

Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. М.: Художественная литература, 1985. Т. 2. 671 с.

Рожкова М.К. Денис Давыдов – партизан 1812 г. М.: Госполитиздат, 1942. 25 с.

Тифлисова А. В Институте истории АН СССР // Исторический журнал. 1943. № 1. С. 108–109.

References

Mel'nikov, A.V., Komochev, N.A., Tikhonov, V.V. (Eds.). (2022). Akademik M.N. Tikhomirov: Vospominaniya. Dnevnik. Perepiska s uchenikami [Academician M.N. Tikhomirov: Memoirs. Diaries. Correspondence with Students]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 784 p.

Bakhrushin, S.V. (1942). *Dmitriy Donskoy* [Dmitry Donskoy]. Tashkent, Izdatel'stvo UzFAN. 40 p.

Bakhrushin, S.V. (1942). *Minin i Pozharskiy* [Kuzma Minin and Dmitry Pozharsky]. Tashkent, Izdatel'stvo UzFAN. 56 p.

Pivovarov, E.I. (Ed.), Kurapova, E.R. (Comp.). (2013). “*I muchilas', i rabotala neveroyatno*”: *Dnevnik M.V. Nechkinoy* [“I Suffered and Worked Incredibly”: Diaries of M.V. Nechkina]. Moscow, RGGU. 824 p.

Nechkina, M.V. (1941). *Istoricheskie traditsii russkogo voennogo geroizma* [Historical Traditions of Russian Military Heroism]. Moscow, Voenizdat NKO SSSR. 23 p.

Nechkina, M.V. (1985). *Lektsii v dni voyny* [Lectures in the Days of War]. In *V gody' voyny. Stat'i i ocherki*. Moscow, Nauka. 238 p.

Nechkina, M.V. (1942). *Muzhestvennyy obraz nashikh velikikh predkov: Aleksandr Nevskiy, Dmitriy Donskoy, Kuz'ma Minin i drugie* [The Courageous Image of Our Great Ancestors: Alexander Nevsky, Dmitry Donskoy, Kuzma Minin and Others]. Tashkent, Gosizdat UzSSR. 52 p.

Korzun, V.P. (Ed.). (2005). *Ocherki istorii otechestvennoy istoricheskoy nauki* [Essays on the History of Russian Historical Science]. Omsk, Izdatel'stvo OmGU. 683 p.

Picheta, V.I. (1942). *Aleksandr Nevskiy* [Alexander Nevsky]. Tashkent, Izdatel'stvo UzFAN. 40 p.

Polosin, I.I. (1942). *Bagration – geroy Otechestvennoy voyny 1812 goda* [Bagration – Hero of the Patriotic War of 1812]. Tashkent, Izdatel'stvo UzFAN. 72 p.

Pushkin, A.S. (1985). *Sochineniya v trekh tomakh* [Writings in Three Volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2. 671 p.

Rozhkova, M.K. (1942). *Denis Davy'dov – partizan 1812 goda* [Denis Davydov – Partisan of 1812]. Moscow, Gospolitizdat. 25 p.

Tiflisova, A. (1943). V Institute istorii AN SSSR [At the Institute of History of the USSR Academy of Sciences]. In *Istoricheskiy zhurnal*. No. 1, pp. 108–109.